

Пристрастно и взволнованно

КРИТИКА

КРИТИКИ

Книгу В. Коробова я начал читать с интересом особым, даже обостренным. Не только потому, что сам давно занимаюсь исследованием творчества выдающегося советского писателя Юрия Бондарева. Но еще и потому, что сразу бросилась в глаза дата рождения автора — 1949. Критик и литературовед В. Коробов родился тогда, когда происходили самые драматические события первого романа, написанного уже широко известным писателем, автором повестей «Юность командиров», «Батальоны просят огня», «Последние залпы».

В том факте, что молодой по возрасту исследователь берется за изучение творчества писателя, который вдвое старше его, разумеется, нет ничего необычного, такое в литературоведении происходит отнюдь не впервые. Правда, в наше время не так уж часто тридцатипятилетние авторы выступают с монографиями, требующими и недюжинной опытности, и зрелости мышления, и солидной умудренности, не говоря уже о таких необходимых предпосылках успешности работы, как наличие несомненной литературной одаренности и обширной филологической и исторической эрудиции. В случае же с монографией В. Коробова дело обстоит еще сложнее. Ведь, с одной стороны, автору книги приходилось иметь дело с литературным и жизненным материалом, который, учитывая возраст В. Коробова, был для него историей. Но, с другой стороны, история эта столь недавняя, что события ее, пусть и

высеченные уже на скрижалях, пусть и ставшие достоянием энциклопедий и фундаментальных многотомных трудов, все еще остаются фактами вполне конкретных биографий живущих ныне людей, не только творивших историю, но и отобразивших ее в своих книгах и порою страстно, самозабвенно дискутировавших о том, как это следует делать.

Мог ли В. Коробов отнестись к «Последним залпам», «Тишине», «Родственникам» с той академической объективностью, которая требуется от исследователя. Если эмоциональный напор материала все еще явственно ощущается в повседневной жизни, а собственный жизненный опыт не может прийти на помощь, не может осуществить коррекцию чужих мнений? Нисколько не приуменьшая роль, так сказать, «книжного» знания, все же рискну высказать озабоченность — и, смею думать, не только свою — тем, насколько верно и многомерно молодые критики и литературоведы способны понять и интерпретировать произведения о войне и первом послевоенном десятилетии.

Скажу сразу, что книга В. Коробова меня порадовала. Вот, например, что пишет он о «Тишине»:

«Прошли годы, роман продолжали читать. Сама жизнь, великие перемены, происшедшие в стране, требовали его новой, более объективной и спокойной оценки. Она назрела и созрела в статьях М. Кузнецова, В. Амлинского и некоторых других, в монографиях О. Михайлова, Ю. Идашкина, Е. Горбуновой. Но цельного нового — и, повторим, спокойного — взгляда на «Тишину» высказано все-таки не было. Думаю, что исследователям помешала — в силу возраста, а значит, и судьбы, времени литературного становле-

ния — тесная причастность к тем годам и спорам (независимо от того, участвовали они в них непосредственно или нет)».

Мне как автору одной из монографий о творчестве Юрия Бондарева, упомянутой здесь, конечно же, очень хотелось высказать новый — цельный, спокойный и объективный — взгляд на «Тишину». И было бы намного приятнее прочитать в книге молодого коллеги, что сделать это мне удалось. Но разве проявленное им понимание объективных и субъективных сложностей анализа знаменитого бондаревского романа представителями старшего и, скажем так, среднего поколения литераторов может не радовать?

Вообще объективность, корректность — приятная особенность книги В. Коробова. Хочу вместе с тем отметить, что эта особенность нигде не переходит в уклончивость мнений и суждений, в неопределенность или бесстрастную отстраненность авторской позиции. Напротив, В. Коробов не находит нужным вуалировать свое восхищение, если хотите, свою влюбленность в творчество Юрия Бондарева. Однако выражает их не при помощи «ахов» и восторгов, а развернуто, цепко и целеустремленно, порою полемически жестко аргументируя и отстаивая свою точку зрения.

Не могу не сказать, что отнюдь не со всеми конкретными суждениями В. Коробова я согласен. И думаю, что это нормально: В. Коробов мыслит нестандартно, оригинально, стремится подвергать сомнению многие привычные, устоявшиеся, но от этого отнюдь не ставшие более верными мнения и, естественно, высказывает при этом и нечто спорное. Но главный пафос его книги, его отношение к

предмету исследования мне хочется поддержать, тем более потому, что в последнее время борьбу с комплиментарностью в критике кое-кто стал понимать как обязательность приглушения тональности, снижения «градуса» оценок. Думается, что совсем не в этом дело. Критик должен иметь право и возможность восторгаться тем, что у него вызывает это чувство, если только он делает это при помощи идейно-эстетических аргументов, а не захлебывающихся причитаний. Но эти право и возможность должны непременно сочетаться с поощряемой всеми редакциями обязанностью так же аргументированно говорить о литературном браке, о неудачах, кого бы они ни постигли...

Книга В. Коробова — не первая монография о творчестве Юрия Бондарева. Но — рискну утверждать — наиболее полная по охвату материала. И объясняется это не только тем, что она — пока — последняя по времени выхода в свет, но главным образом огромным объемом работы, проделанной автором. В частности, нельзя не отметить, что В. Коробову, по сути, первому из исследователей удалось с достаточной глубиной проанализировать начало творческого пути Юрия Бондарева, процесс становления его как писателя, связь рассказов, вошедших в первую книгу, с последующими этапами его биографии, причем В. Коробов вводит в научный оборот ряд интересных фактов и делится с читателями весьма любопытными наблюдениями.

«Весьма интересны и попытки В. Коробова проникнуть в святая святых творческой лаборатории Юрия Бондарева, в психологию творческого процесса. И жаль, что автор книги, как бы убоявшись дерзости собственных намерений, «одергивает» сам себя, отступает. Впрочем, может быть, это временное отступление, имеющее целью накопление сил и средств для следующей, будем надеяться, более

успешной «атаки» на таинственную область психологии творчества».

Чрезвычайно интересны, хотя и наиболее спорны страницы книги, посвященные романам «Берег» и «Выбор». В них наиболее полно проявились и полемический темперамент автора, и точность и тонкость его исследовательского инструментария, и, главное, увы, не столь частое в наше время умение скрупулезно работать с текстами анализируемых произведений.

Яркой, во многом необычной назвал бы я форму монографии В. Коробова. Прямая, откровенная публицистичность, даже исповедальность многих страниц, вкрапления почти новеллистического характера безусловно усиливают эмоциональный потенциал книги и задают определенный настрой, который помогает восприятию тех глав, где ведется требующий немалых читательских усилий, напряженного внимания разбор самых сложных бондаревских произведений.

Избранная В. Коробовым форма книги, ее композиция, стиливая манера автора, язык не вполне отвечают привычным представлениям о монографических исследованиях. Но полагаю, что рецензируемая работа весьма выгодно отличается и от «засушенных» сверх всякой меры, читаемых лишь по обязанности, и от элитарно изысканных, откровенно отчужденных от предмета исследования и нацеленных лишь на собственный «крупный план» книг. Ее с интересом и пользой прочтут и профессиональные литераторы, и ученые-филологи, и — без всяких ограничений — самый широкий читатель. Потому что, пристрастно и взволнованно исследуя неповторимую творческую индивидуальность писателя, автор в полной мере раскрыл и собственную индивидуальность, еще раз напомнив нам, что критика и литературоведение — полноправный жанр художественной литературы.

Юрий ИДАШКИН